

УДК 39:72-054.51(=161.1)(571.56)

ИСТОКИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ НИЖНЕЙ КОЛЫМЫ

ORIGINS OF CULTURAL TRADITIONS OF RUSSIAN OLD-TIME RESIDENTS OF THE LOWER KOLYMA

© **Строгова** Екатерина Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: estro@list.ru

© **Strogova** Ekaterina Alexeevna, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Humanitarian Researches and Indigenous Peoples of the North Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: estro@list.ru

Аннотация: В статье представлены предварительные результаты комплексного исследования направленного на выяснение происхождения локальной группы русских старожилов Нижнеколымского района Республики Саха Якутия). Анализ археологических, этнографических, фольклорных материалов, данных письменных источников показал, что культурные традиции этой группы тяготеют к районам Великого Устюга Архангельска.

Ключевые слова: Арктика, русские, традиционная культура, историческая этнография, компаративный анализ.

Abstract: This paper presents the preliminary results of a comprehensive study aimed at clarifying the origin of the local group Russian old residence in Nizhekolymskiy region of Republic of Sakha (Yakutia). Analysis of archaeological, ethnographic and folklore materials and datas of written sources revealed that cultural traditions of this group originate from Velikiy Ustiug and Arkhangelsk regions.

Keywords: the Arctic, Russians, traditional culture, historical ethnography, comparative analysis

Введение

Активизация экономического освоения Арктики, возрождение Северного морского пути вновь пробудили интерес исследователей к народам, населяющим арктическое побережье России. Особый интерес вызывает русское старожильское население арктических регионов, история его формирования, связанная с арктическим мореплаванием, функционирование в новых условиях элементов русской культуры, степень взаимовлияния с культурами коренных народов. Одной из таких групп и являются русские старожилы с. Походск, расположенного в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) на 69° северной широты.

Жители Походска менее избалованы вниманием, чем их родственники русскоустынцы, и если вторым посвящено более двухсот единиц литературы различных жанров от газетных статей до серьезных научных трудов, то первым посвящены лишь небольшая брошюра

краеведческих очерков А.Г. Чикачева «Походск» [1] и небольшие главы в его же книгах «Русские в Арктике» [2] и «Русское сердце Арктики» [3]. Походчане относятся к той же этнографической группе, что и широко известные русскоустыинцы, но, в отличие от них, не имеют чёткого исторического предания о своём происхождении, тем важнее и интереснее выявить, куда уходят корнями традиции этой этнографической группы.

В 1989-1990 г. на Нижней Колыме работала археологическая экспедиция Якутского Государственного университета под руководством А.Н. Алексеева, которая занималась раскопками Нижнеколымского зимовья — первого русского поселения в этом районе [4]. В 2009-2011 гг. раскопки возобновил отряд археологической экспедиции НПО «Северная археология – 1» под руководством Г.П. Визгалова [5, 6, 7]. Сборы этнографического материала проводились Е.А. Строговой в 2005, 2009, 2011 гг. Накопленные за несколько лет данные археологических, этнографических, фольклорных и исторических исследований позволяют предпринять такую попытку.

Русские поселения в Якутии

Первые русские поселения в указанном районе появляются в начале 40-х годов XVII в. а к концу столетия весь север Якутии уже покрыт сетью острожков, «ясашных» и «промышленных» зимовий, большинство из которых перестало существовать к началу XVIII в. «Якутского уезда роспись дальним и ближним ясачным острожкам и зимовьям», составленная в 1675 году¹ показывает, что постоянного русского населения в них не было. Это не совсем соответствует действительности, так как некоторые промышленные люди оседали в крупных («коренных») зимовьях на десятки лет. В течение второй половины XVII – начала XVIII в. в низовьях Колымы из осевших здесь промышленников и служилых стала складываться группа населения, считавшаяся нижнеколымскими мещанами, но ведущая образ жизни рыбаков и охотников. В конце XVIII в. здесь сформировалось крестьянство, сложившееся из тех же мещан, переписанных в крестьянство согласно законодательству того времени.

В XVII – начале XVIII в. основную роль в формировании и приросте русского населения в Якутии играли мигранты из России и Сибири. Особенностью северного района, по сравнению с Центральной Якутией, является то, что во второй половине XVIII в. основная роль в формировании русского населения переходит к естественному приросту, что способствует высокой степени метизации малочисленного русского населения.

¹ Дополнения к Актам историческим, Т.4. СПб, 1857. С. 401-408.

В XVII – начале XVIII в. основную роль в формировании и приросте русского населения в Якутии играли мигранты из России и Сибири. Особенностью северного района, по сравнению с Центральной Якутией, является то, что во второй половине XVIII в.

Так к концу XVIII в. сформировалась основа исследуемой старожильческой группы, которая на протяжении последующих столетий сохраняла свою целостность, почти не пополняясь новоселами из-за крайней отдаленности. В 1989-90 гг. и в 2009-2011 гг. проводились археологические исследования Нижнеколымского зимовья, известного в литературе как Стадухинский острог, построенного в 1655 г. В двух строительных горизонтах относящихся ко второй половине XVII – первой половине XVIII в. изучены остатки жилых и хозяйственных построек, получена уникальная коллекция предметов материальной культуры.

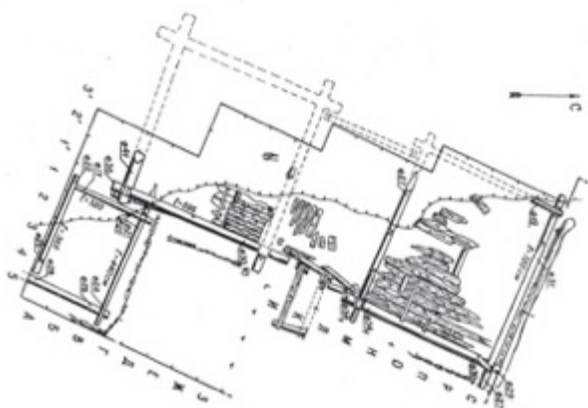

Рис. 1. План раскопок жилого дома. Нижнеколымское зимовье. 1989, 2010 гг.

Жилая постройка представлена остатками трёхчастного дома, состоявшего из рубленных «в обло» избы и клети, соединённых сенями, набранными в заплот.

Изба отапливалась глинобитной печью, а в клети, по-видимому, имелся камелёк. Снаружи здание было утеплено толстой глиняной завалинкой, с северной стороны ограниченной бревном, а с восточной стороны, выходившей во двор, горизонтальным плетнём.

Кровля здания долгое время реконструировалась на основании имеющихся изображений Нижнеколымского острога, построенного в 1769 г. как самцовая «по потокам и курицам». Эта теоретическая реконструкция получила свое подтверждение, когда в 2010 г. в ходе раскопок было обнаружен сохранившийся целиком поток.

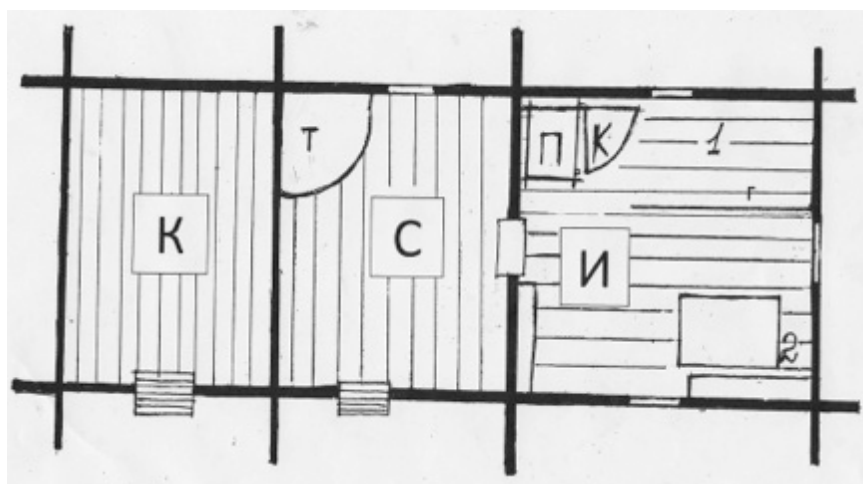
К клети, вероятно, несколько позже был сделан рубленный «в обло» хозяйственный пристрой, имевший ограниченную невысоким плетнем завалинку. Вторая хозяйственная постройка стояла отдельно и представляла собой засыпной домик из тонких бревен с глиняной завалинкой, ограниченной таким же тонким бревном. Четырёхскатная кровля постройки во время пожара рухнула внутрь здания.

Рис. 2. Поток — одна из основных деталей безгвоздевой кровли. Нижнеколымское зимовье. 2011 г.

Анализ техники строительства и планировки жилища, обнаруженные архитектурные детали приводят на Русский Север, для которого трехчастная планировка построек и применение безгвоздевой кровли стали едва ли не символическими.

Этнографический материал показывает удивительную устойчивость строительных

приемов и сохранность традиционной планировки жилища. Все опрошенные на этот предмет информаторы, вспоминая дом своего детства, рассказывали о трёхчастной постройке с характерной внутренней планировкой (Рис.3).

Рис. 3. Традиционное жилище в колымчан по рис. М.П.Ольшанцевой, 1929. И — изба. С — сени. К — клеть. Т — таган. П — печь. К — камелёк. 1 — загородка. 2 — красный угол.

Сохранившиеся в колымской тундре заимки, построенные в XIX – XX вв., демонстрируют ту же технику строительства, что и обнаруженные в раскопах постройки, правда, уже с некоторой степенью деградации. У поздних построек углы срубов не оформлены, под заплоты зачастую не вырубается паз в бревне, а набиваются две жердины, где-то в начале XIX в. окончательно исчезают высокие кровли, заменяясь плоскими земляными (Рис.4).

Рис. 4. Зимовье в Халерчинской тундре. Нижнеколымский район Республики Саха (Якутия), 2010

Но двух — «изба-сени», а то и трёхчастная «изба – сени – клеть» планировка жилища остаётся неизменной. Это касается и промысловых избушек, строившихся у мест рыбной ловли или в охотничьих угодьях. Их конструкция и планировка нашла полные аналогии с избушками промышленников-поморов, обнаруженными на Шпицбергене [8, с.411, рис. 2,3].

Рис. 5. Повойник. Нижнеколымское зимовье. 2011 г.

Более точную локализацию культурной традиции дает поиск аналогов предметов материальной культуры. В 2011 г. в ходе раскопок Нижнеколымского зимовья в слое, датируемом концом XVII в. был найден хорошо сохранившийся повойник [7]. Конструкция этого предмета интересна тем, что с изнаночной стороны вдоль очелья головного убора пришит валик из плотно скрученной

красной материи, обшитый поверх основной тканью изделия. Интересно, что и в настоящее время повойник считается неотъемлемой деталью традиционного костюма колымчанки, но

в «чепчике», как его сейчас называют, валик отсутствует. Это также показывает деградацию традиции, так как на Русском Севере повойник к XIX в. развился в самостоятельный головной убор сродни кокошнику. Подобный найденному повойник с валиком обнаружился в книге Д.К. Зеленина. Анализируя традиционные женские головные уборы, автор указывает на такой повойник как на локальную традицию Великоустюжского уезда Вологодской губернии [9]. Другой и снова женский предмет демонстрирует иную локальную традицию.

В материалах Нижнеколымского зимовья имеются две пары серег-голубцов, изготовленных из бронзы со вставками из ювелирного стекла. Такие серьги-голубцы происходят из Великого Новгорода и к началу XVII в. были чрезвычайно популярны на всем Русском Севере. На рисунке 6 представлены серьги-голубцы из Нижнеколымского зимовья (справа) и из фондов Архангельского музея изобразительных искусств, изготовленные из латуни (1).

Рис. 6. Серьги.

Повойник и серьги были выбраны для анализа как наиболее выразительные предметы. Остальные находки имеют либо общерусский, либо общесеверорусский характер и более тщательной локализации не поддаются. Проанализированные археологические и этнографические материалы ведут на Русский Север в области Великого Устюга и Архангельска.

Интересные результаты дали и исследования фольклора. Среди богатого фольклорного наследия русских старожилов арктических районов Якутии наиболее разработана исследователями историческая песня об отравлении Скопина-Шуйского. Достаточное количество вариантов песен о Скопине-Шуйском позволяет проводить исторические изыскания, выявлять наиболее древние, искать параллели с другими жанрами.

В низовьях Колымы эта песня записывалась неоднократно. Небольшое по объёму произведение — всего 26 стихов, с припевом «Виноградье краснозеленое» после каждой строки, было записано Меликовым в 1893 г. [10, с.53]. Имеются и более поздние записи этой песни на Колыме, представленные в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири Дальнего Востока» — [11, №330-334], в сборнике статей «Современный русский фольклор Сибири. Новосибирск» [12, №177-205].

Известный исследователь фольклора Ю.И. Смирнов вообще очень подробно описывает эту песню, её ритуальный характер, место возможного прежнего бытования вариантам [11, с. 433]. Как отмечает Ю.И. Смирнов, песня «пелась как «домашнее» виноградье (в отличие от «надворного», которое пелось на улице возле дома)». Далее он пишет, что сам текст «демонстрирует устойчивую сохранность» [там же]. В тексте песни, записанном Е.П. Поповым в 1905 г., Ю.И. Смирнов отмечает другую двойственность характера песни: историческая и величальная [11, с. 434]. Т.С. Шенталинская, рассматривая эпические произведения Нижней Колымы и Индигирки, ссылается на традиционный характер музыкального исполнения данных произведений, «факт поглощения эпической песни сферой ритуального акта» [13, с.48 - 53].

На европейской территории России исполнение эпических произведений в качестве обрядовых или величальных «факт локально специфический, зафиксированный только в бывшем Великоустюжском уезде (ныне Вологодская обл.; (песня о Скопине, «Сокол-корабль») и на Вятке («Сокол-корабль»)» [13, с.53].

Для изучения миграционных процессов русских на территории Якутии в начальный период ее освоения была составлена база данных, в которую включены сведения о людях, находившихся на ее территории в 40-е – 60-е годы XVII в. Данные были почерпнуты из таможенных росписей и выписей, которые содержат сведения не только сведения об имуществе мигрантов и уплаченных ими налогах, но и о местах выхода этих людей и, зачастую, о маршруте передвижения по территории края².

Выборка из базы данных позволила выявить, среди прочих, тех служилых, промышленных и торговых людей, которые находились в середине XVII в. на Нижней Колыме. Анализ мигрантов по местам выхода дал следующий результат.

² РГАДА, ф.1177, оп.3, ч.5, д. 15, 39, 61, 65, 70, 74, 78-79, 126, 230,231, 261,366, 686, 739,770 и др.

Таблица 1

Распределение по местам выхода русских жителей низовий Колымы в 40-е гг. XVII в.

Место выхода	%	Место выхода	%
устюжане	22	вятчане	5
важенины	12	южане	5
вычегжане	10	холмогорцы	4
лалетины	7	нижегородцы	3
пинегжане	6	сысолятины	3
вологжане	5	другие	13

В категорию «другие» попали пятеро якутских служилых людей и один якутский промышленный, выходцы с р. Кокшеньги, р. Мезени, сургутец, олончане, усть-цылемцы, карел, тоболяк, кайгородцы, пустозерц, владимирцы и калужанин. Результаты картографирования мест выхода показаны на рис. 7. Видно, что отметки группируются в две сравнительно компактные группы, первая в районе Великого Устюга, вторая в районе Архангельска.

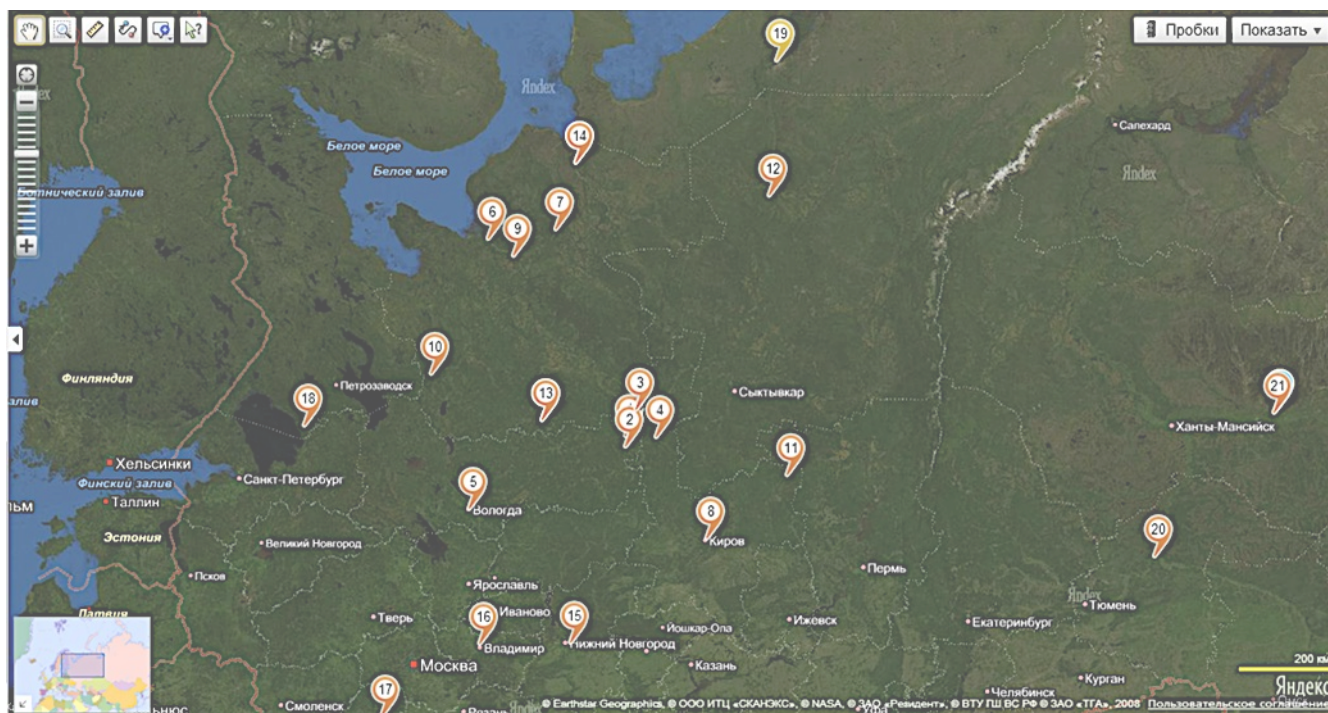

Рис. 7. Места выхода мигрантов, проживавших в низовьях Колымы в 40-е годы XVII века. Объекты, обозначенные на карте: 1 - Устюг Великий. 2 — река Юг. 3 — река Вычегда. 4 — Лальск. 5 — Вологда. 6 — Архангельск. 7 — река Пинега. 8 — Вятка. 9 — Холмогоры. 10 — Сысола. 11- Кайгород. 12 — Усть-Цильма. 13 — Кокшеньга. 14 — Мезень. 15 — Нижний Новгород. 16 — Владимир. 17 — Калуга. 18 — Олонец. 19 - Пустозерск. 20 — Тобольск. 21 — Сургут.

Таким образом, данные археологических, этнографических, фольклорных исследований и письменных источников неожиданно единодушно отсылают исследователя на Русский Север в районы Архангельска и Великого Устюга.

Проблемы адаптации культурных общностей к новым условиям существования вызывают большой интерес у исследователей. Но как можно оценить направленность адаптативных процессов и глубину произошедших изменений, не зная исходной культурной традиции? Поэтому дальнейшие углублённые исследования как отдельных элементов, так и культурной традиции в целом поможет перевести вопрос об этнокультурной адаптации русских на севере Якутии из области отвлеченных разговоров в область конкретных фактов.

Литература

1. Чикачёв А.Г. Походск. Старинное русское село на Колыме. Иркутск: Папирус, 1993. 64 с.
2. Чикачёв А.Г. Русские в Арктике. Новосибирск: Наука, 2007. 303 с.
3. Чикачёв А.Г. Русское сердце Арктики. Якутск: Лит. Фонд, 2010. 496 с.
4. Алексеев А.Н. Первые русские поселения на Северо-востоке Азии. Новосибирск: Наука, 1996. 152 с.
5. Визгалов Г.П. Археологические исследования Стадухинского поселения (Нижнеколымского острога) в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2009 году. Нефтеюганск: 2010. Рукопись. 133 с.
6. Визгалов Г.П. Археологические исследования Стадухинского поселения (Нижнеколымского острога) в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2010 году. Нефтеюганск: 2011. Рукопись. 352 с.
7. Визгалов Г.П. Археологические исследования Стадухинского поселения (Нижнеколымского острога) в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2011 году. Нефтеюганск: 2012. Рукопись. 360 с.
8. Хохоровский Я. Православные нательные кресты из поморских захоронений Южного Шпицбергена // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Сб. науч. статей. Омск. Изд-во Омский институт (филиал) РГТУ, 2011.
9. Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных (русских) славян. Прага, Slavia, год. V, вып. 2 (1926), вып. 3 (1927).
10. Чарина О.И. Песни, собранные Д.И. Меликовым // Якутский архив, 2011, № 1. с. 52-55.
11. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1991. – 499 с.
12. Кузьмина Л.П., Миронова Э.А. Современный русский фольклор на Крайнем Севере // Современный русский фольклор Сибири. Новосибирск, 1979. С. 177-205.
13. Шенталинская Т.С. Напевы русских эпических песен Сибири и Дальнего Востока // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1991.

*Рецензент: Окунев Юрий Павлович,
доктор культурологии, профессор*